ИНТЕРВЬЮ 17.01.2017

Да здравствует забвение!

Как историческая память способствует конфликтам, и почему мир без справедливости иногда является единственным вариантом выбора

Ваша книга In Praise of Forgetting («Хвала забвению») вызвала громкий общественный резонанс: New York Times называет ее «болезненно значимой», New Republic – «мудрой и безжалостной», а Sunday Times – «едкой, красноречивой и трогательной». Причиной тому поставленный вами вопрос: а действительно ли всегда хорошо и верно осознавать свое историческое прошлое? Что вы хотели этим сказать?

Ну что же, по крайней мере, я надеюсь на то, что моя книга в самом деле такая. Ее следует отчасти понимать как работу, автор которой в первые годы нового столетия, но главным образом все же в 1990-е годы работал журналистом в регионах, охваченных войной и миграционным кризисом. В ней я пытаюсь выдвинуть аргументы против двух довольно распространенных точек зрения. Во-первых, против самого представления о том, что «забывающий прошлое обречен на его повторение». Автором этого известного изречения является американский философ испанского происхождения Джордж Сантаяна. Во-вторых, я ставлю под сомнение современную интерпретацию этого высказывания, а именно: память – это хорошо с точки зрения морали, забвение же – аморально. Этой точки зрения придерживаются организации по защите прав человека, Организация Объединенных Наций, ее генеральные секретари нескольких последних десятилетий и, похоже, Европейский союз. Она же, по крайней мере, в неявной форме, нашла свое отражение и в ценностях, которые легли в основу Копенгагенской декларации.

Неужели память может быть аморальной? Такое представление вызывает желание бить в набат не только в контексте германской истории…

Если представить себе контекст германской истории, то, конечно,

становится ясно, почему в этом случае со мной по ложным причинам согласятся некоторые читатели. Но я не пытаюсь поставить все с ног на голову, то есть утверждать, что забвение всегда морально и хорошо, и, по аналогии к сказанному, память всегда предосудительна с точки зрения морали. Мне понятна озабоченность, вызванная моим подходом, – он подвержен опасности неправильного истолкования, а кому-то напоминает высказывания не очень приятных всем нам современников в разных частях мира. Речь не только о Германии, Аргентина также неплохой пример в этом смысле. Многие из тех, кто говорит: «Давайте забудем», собственно говоря, имеют в виду: «Ведь все было не так уж и плохо». Однако это вообще не имеет ничего общего с тем, что хочу сказать я.

Моя задача состоит не в том, чтобы преуменьшать зверства, а чтобы всегда помнить о необходимости переосмысления памяти. Я утверждаю, что воспоминания о прошлом – не всегда положительная вещь, и необходимо в каждом отдельном случае принимать решение о целесообразности или вреде памяти. Полагаю, что некоторые из приведенных мною примеров в пользу этого мнения довольно убедительны. Память не всегда помогает, а совсем наоборот – может способствовать продолжению конфликтов, ожесточению и расколу. Очевидными примерами тому являются конфликт между Израилем и Палестиной, а также конфликт на Балканах. Но есть и другие.

Давайте вернемся к набату. Эли Визель известен, в частности, своим предостережением, что окончательной победой врага есть наше забвение. Вы упоминаете его в своей книге. Почему вы считаете это высказывание столь сомнительным?

Хочу предпослать своему ответу на этот вопрос довольно мрачное примечание: если мы говорим о чем-то, что необходимо помнить вечно, то это не воспринимается всерьез. Все когда-нибудь забудется. Все без исключения. Уинстон Черчилль – хороший тому пример. Он, несомненно, воплощал концепцию коллективной памяти и был националистом старой школы. Но даже в его знаменитой речи «В их звездный час» можно услышать, что он вполне реалистично оценивал пределы памяти. Когда все, казалось бы, указывало на победу в войне нацистской Германии, и Черчилль призвал британцев «вспомнить о своем долге», он не сказал, что война никогда не будет забыта. Он сказал: «Если Британская империя просуществует еще тысячу лет». Черчилль сказал: «если», ибо ему было совершенно ясно, что все когда-то предается забвению.

Когда Эли Визель говорит о том, что мы не должны забывать

никогда, то это принятие желаемого за действительное. Речь здесь идет не о высказывании, которое нельзя воспринимать всерьез, а об эмоциональном послании. Проблема обращения к коллективной памяти заключается в том, что здесь происходит смешение категорий. Мы не помним битву при Геттисберге. Никто из нас. Существует ее версия, которая постоянно пишется заново. Делаем ли мы это лично? Конечно. Но личная память не выходит за рамки этого. Личные воспоминания – это личное дело. А вот коллективная память – это нечто иное, ведь в таком случае мы имеем дело с нынешним общественным консенсусом относительно прошлого. Во многих случаях при обращении к коллективной памяти речь идет о полезной для современности интерпретации прошлого.

История всегда была инструментом воздействия. Ведь это совсем не новое явление.

Да, явление это совсем не новое. И концепция коллективной памяти не нова. Но произошло смещение центра тяжести: раньше прославлялись, главным образом, государство, страна. Однако с некоторого времени коллективная память сосредоточена – по крайней мере, в Западной Европе, Северной Америке и Австралии – преимущественно на жертвах.

Многие из тех, кто говорит: «Давайте забудем», имеют в виду: «Все было не так уж и плохо». Но это вообще никак не связано с тем, что хочу сказать я.

И что же в этом неправильного? Разве не пора сосредоточить свое внимание на жертвах? Мы говорим об истории историй и о центре внимания в историографии. И разве не следует позитивно оценить то, что этот центр внимания смещается ныне в пользу жертв?

Артур Шлезингер однажды сказал, что маятник истории и политики в Соединенных Штатах все время качается слева направо. Это звучит фаталистически, но разве эта тенденция ложна в корне? Нет. Но я не нахожу в ней и ничего непреложно истинного. Если заходит речь о глорификации, то я, будучи скептиком, начинаю нервничать вне зависимости от того, кого прославляют. По моему мнению, не следует превозносить никого: ни национальное государство, ни жертв бесправия и насилия. Понимаю ли я, что эта тенденция появляется из соответствующего

понимания справедливости и является выражением его осознания? Да, конечно, но это ничего не меняет в моей позиции, в том, что я равным образом не приемлю прославления жертв и превозношения деяний национального государства.

Давайте вернемся к концепции забвения. Вы говорите о случаях, когда «лебединая песнь памяти и хвала забвению» уместны. Какие тут можно привести примеры?

В начале 1990-х я был корреспондентом на Балканах и очевидцем большей части периода осады Сараево. В моей книге есть рассказ о встрече с политиком Вуком Драшковичем – сербским националистом и очень противоречивой личностью. Когда я вышел из его офиса в Белграде и направился к лифту, один из его помощников дал мне свернутый лист бумаги. Я развернул его в такси по пути в гостиницу и увидел там только цифры «1453». Мне тут же стал ясен его намек на роль Сербии в защите Запада от мусульманских орд, чтобы предотвратить повторение захвата Константинополя. Адресованное мне напоминание не возникло из осознания исторической ответственности. Здесь речь о простом безответственном метафорическом злоупотреблении историей. Поэтому я думаю, что всем нам не помешало бы совершенно осознанно не вспоминать больше кое-что из того, что имеет отношение к Балканам…

Еще один очевидный пример такого рода – Ближний Восток. Я не отношу себя к сторонникам какой-либо из конфликтующих сторон, и у меня есть претензии как к поведению Израиля, так и к действиям палестинцев. Но в данном случае использование памяти в качестве оружия очевидно. Многие годы солдаты Вооруженных сил Израиля приносили присягу в крепости Масада, то есть месте, в котором зелоты в 70 году до н.э. боролись против римской оккупации и в конце концов умертвили себя и свои семьи, чтобы не попасть живыми в руки римлян.

Нет ничего зазорного в том, чтобы праздновать окончание базовой военной подготовки в форме церемонии. Но если этот церемониал проводится в Масаде, это возрождает версию прошлого, которую можно назвать апокалиптической. Его участники видят в себе продолжателей этой традиции абсолютного сопротивления и внутренне переживают драматическую развязку осады. Вот это, я думаю, проблематично. Мой старый друг Леон Визельтир охотно цитирует американского политика, известного своим изречением о том, что при помощи поэзии можно привлекать, но править приходится

при помощи прозы. А при таком методологическом подходе к истории делается попытка править с помощью поэзии. В этом проблема. Это в большинстве случаев не срабатывает.

Но хочу быть справедливым по отношению к обеим сторонам. Арабы то и дело сравнивают Израиль с христианским королевством Иерусалим, существовавшим с 1099 по 1187 год до н.э. И здесь имеет место злоупотребление историей, которая используется для того, чтобы внушить арабам, что им не нужно сражаться с Израилем, поскольку он и так обречен на гибель, как и бывшее королевство. История в этом случае используется в целях пропаганды. Она возвышается до уровня поэзии там, где уместна проза. А в этом мы нуждаемся меньше всего.

Но даже если бы мы этого хотели, как можно забыть? В своей книге вы упоминаете о Нантском эдикте, при помощи которого Генрих IV тщетно пытался подавить воспоминания и предписать забвение насилия в прошлом по, так сказать, государственным соображениям…

Конечно же, этого можно добиться! Генриха IV убили, и тем самым положили конец его попытке. Это не означает, что проект был обречен на неудачу. Забвение не является чем-то невозможным. Но для него надо приложить активные усилия, что, впрочем, касается и воспоминаний.

Еще и в силу того, что личная память несколько отличается от коллективной?

Да, и именно потому я отвергаю отождествление личных воспоминаний и коллективной памяти. Отдельно взятый человек не вспоминает битву при Танненберге, ему преподносится ее версия. Система образования решает, что в этом случае речь идет о чем-то, заслуживающем воспоминаний. Тем самым вызывается к жизни память. От личных же воспоминаний не уйти. А вот коллективная память создается образованием, средствами массовой информации, культурой. Так почему же невозможно попытаться забыть определенные вещи?

Коллективная память создается образованием, средствами массовой информации, культурой. Так почему же невозможно попытаться

Впрочем, существует решающее различие, относительно которого у нас должна быть полная ясность. Мы вспоминаем некоторые события, потому что пережили их сами, или хотя бы потому, что их лично пережили другие люди, окружающие нас. Но когда-нибудь этих людей не станет. В определенный момент и мы перестанем

забыть определенные вещи?

существовать. Поэтому возникает вопрос: сохраним ли мы эти воспоминания? В 1993 году по случаю открытия музея Холокоста в Вашингтоне Леон Визельтир написал об этом блестящее эссе. Он поднял вопрос о том, что случится, если не останется в живых ни одного человека из числа узников лагерей времен Второй мировой войны. Эссе имело меткое название After Memory. Тогда нам придется решать, как нам запомнить что-то или забыть.

Недавно вспыхнула ссора между Германией и Турцией после того, как Германия официально признала геноцид армян и назвала его именно так.

Да, я следил за этим...

Разве не являются действия Турции примером того, какой вред могут принести попытки подавления исторических фактов? Разве правда не дает ощущения свободы? По меньшей мере, так написано в Библии.

Я мало верю в то, что правда делает человека свободным, как и в то, что история означает продолжающееся развитие. Немцы сделали в вопросе геноцида армян то, что уже до них сделал ряд других европейских стран.

Да, Франция также признала геноцид.

Именно, Франция тоже. Но если кто-то вообразил, что все стало бы хорошо, если бы только Турция согласилась признать геноцид армян, запрягает лошадь сзади, как гласит меткая пословица. Действительно, демократическая Турция, вероятно, признала бы геноцид как исторический факт, однако нас отделяют от этого световые годы. Такое признание не станет сигналом процесса демократизации, а лишь следствием этого процесса.

Это довольно фундаментальная критика. Итак, вы не согласились бы с мнением о том, что правда, справедливость и мир связаны и взаимозависимы?

Так ведь в этом и заключается суть моей критики движения за права человека. Оно преследует идеологию, но делает вид, что стоит над идеологией. Можно говорить в этом случае о хорошей идеологии, то есть это не оскорбление. Но в своих попытках

создать видимость нахождения над политикой или идеологией любого толка движение за права человека испытывает терпение, по меньшей мере, всех тех, кто хоть немного искушен в истории и политике. Конечно, представители движения за права человека утверждают, что они в конечном счете пытаются добиться реализации международного права. Но законы – это артефакт политики, и немцы понимают это лучше многих других.

И по этой причине для вас мир и справедливость – это две абсолютно независимые друг от друга вещи?

Правозащитники говорят: без справедливости мир невозможен. Но почему обязательно должно быть так? Существует множество прецедентов мира без справедливости. Пример тому – Босния. Дейтонское соглашение было крайне несправедливым. Оно вознаградило агрессоров, причем и хорватских, и сербских, и покарало жертву. Но в Боснии царит мир. Я сам был свидетелем осады Сараево, и для меня мир – не метафора. Я помогал очищать улицы от завалов с человеческими останками и знаю, о чем говорю. То, что сегодня можно в любое время дня и ночи свободно разгуливать по городу, – это и есть мир.

Вы говорите, что нам следует освободиться от представления о мире как идее доброго, правдивого и прекрасного самого по себе? И что в некоторых случаях несправедливость, то есть забвение, есть ценой, которую стоит платить?

Да. Когда правозащитники говорят о мире, то они говорят о мире, как его представлял себе Платон. Но я не являюсь адептом Платона. Существует иное движение под названием «скептицизм» в его англосаксонском проявлении, и я ощущаю свою принадлежность именно к нему. Пожалуй, лучше всех философские истоки этой традиции отражены в теории несоизмеримости Исайи Берлина. Это означает не что иное, как то, что определенные ценности не совместимы или несоразмерны друг с другом. На самом деле они не только несоразмерны, но могут находиться в прямом противоречии друг с другом. Иногда забвение необходимо. Ударение здесь на слове «иногда». Есть случаи, в которых воспоминания могут оказаться полезными, и случаи, в которых не помешало бы больше памяти. ЮАР – хороший пример страны, которой не помешало бы уделять больше внимания памяти. Во всяком случае, со стороны белого населения. Епископ Туту назвал Комиссию правды и примирения подарком темнокожим южноафриканцам со стороны белокожих обитателей ЮАР, который не был принят. Думаю, большинство белых, если бы их спросили, сказали бы что-

то вроде: «Тогда все было так, как было, а затем Комиссия правды и примирения сделала свое дело. Почему мы все время должны заниматься прошлым, почему бы нам не посмотреть вперед?» В случае с Южной Африкой, где и сегодня царит элементарное экономическое неравенство, в некоторых сферах выраженное еще ярче, чем во времена апартеида, наверное, стоило бы уделить больше внимания воспоминаниям.

Вы также говорите, что забвение не может длиться вечно. Существует ли время забвения, после которого наступает время вспомнить снова? Первые годы после Холокоста, как в Германии, так и в Израиле, прошли под знаком молчания, обусловленного стыдом преступников и стыдом жертв.

Именно так и было. Но позвольте мне привести менее трагичный пример. В Испании был практически заключен пакт забвения с момента достижения согласия между левыми и правыми после смерти Франко. Они договорились о том, чтобы забыть. А сегодня прошлое Испании снова становится темой разговоров в стране, и, наверное, можно даже сказать, что этот пакт – сыгравший в течение длительного времени положительную роль – был нарушен. Похоже, пришло время снова дать ход памяти. Еще один хороший пример – обвинения против Аугусто Пиночета. Если бы они были выдвинуты непосредственно после отставки диктатора, скорее всего, состоялся бы второй военный переворот. Спустя несколько лет появилась возможность выдвижения обвинения.

Мой вопрос – и здесь я снова возвращаюсь к эссе Леона Визельтира в связи с музеем Холокоста: какое внимание всему этому мы будем уделять в Германии и в Израиле спустя 10, 20 или 30 лет? Тони Юдт пишет о детях и молодежи из Германии и Европы, посещающих Освенцим, но не проявляющих к этому интереса. Их учителям с трудом удается втолковать им, что это действительно что-то важное. Следовательно, говорим ли мы о чем-то существующем на все времена? Если это не так, если есть срок, то когда он истекает? Через 100 или 1000 лет? Возьмем беженцев, примерно миллион человек, прибывших за последний год в Германию. Можно ли государственным органам образования рассчитывать на то, что через 100 лет внуки нынешних мигрантов, которым они хотят рассказать о Холокосте, будут иметь то же представление о нем, что и немцы сегодня?

Все страны, ставшие объектом миграции, стоят перед этим вызовом. Вы могли бы задать тот же вопрос премьер-министру Канады Джастину Трюдо. Какую позицию должны занять новые

мигранты из Китая относительно способа обращения властей с коренным населением Канады?

Да, тенденция здесь не очень положительная. Я пристально наблюдаю за тем, что происходит в Канаде, и мне нравится Джастин Трюдо. Но сегодня все это надо видеть в комплексе. Люди не просто мигрируют, они не теряют контакта со своей родиной. Трюдо пытается действовать активно в плане обращения с позорными страницами в национальной истории, и это заслуживает уважения. Однако я не совсем уверен, что все это эффективно. Стала бы для меня действительно увлекательной история северной части Квебека в 1950-е годы (не говоря уже о XVII, VIII или XIX веке), если бы я въехал сюда из Фуцзяня в Ванкувер и не потерял бы еще связи со своей родиной? Тут я настроен не очень оптимистически.

Верите ли вы вообще в возможность прощения без забвения?

Христианин дал бы, наверное, утвердительный ответ на этот вопрос. Ведь прощение – это в конечном счете стержневой элемент христианской веры, не так ли? В христианской вере меня прежде всего впечатляет ее контринтуитивность. В ней подставляют другую щеку. Это глубоко морально. Отдельные люди в метафорическом смысле могут быть святыми. Они должно быть в состоянии прощать. Но смог бы простить я, если бы мой брат был убит в Сребренице или же замучен полицейскими насмерть во времена апартеида? Думаю, нет. Чтобы быть честным до конца, скажу, что, с моей точки зрения, есть вещи, которые простить нельзя. Можно только постепенно отстраняться от происшедшего. В конце концов у всех есть негативные переживания: развод, смерть родителей... Сначала они целиком овладевают тобой, но со временем, с годами постепенно отдаляются от тебя. Это не означает, что уходит печаль, а просто ты перестаешь постоянно думать об этом. Это, наверное, глубоко человеческая реакция на такие события, и, конечно, все происходит в каждом случае именно так. Прощение предполагает признание преступником своего злодеяния, тогда забвение – или, по меньшей мере, примирение – возможно. Тем не менее так бывает не всегда. Комиссия правды и примирения в Южной Африке выявила многое. Но часто это не приводило к примирению. И я задаю себе вопрос: можно ли в подобном контексте рассчитывать на нечто большее, чем примирение? В заключение несколько неожиданно скажу: если бы мне пришлось подвергнуть критике свою собственную книгу, то я бы согласился с тем, что слабо разбираюсь в том, что называется примирением. Для этого мне, вероятно, попросту не хватает веры.

Дэвид Рифф: In Praise of Forgetting. Historical Memory and its Ironies. Yale University Press, 2016. 145 стр.

Дэвид Рифф
Нью-Йорк

Дэвид Рифф (David Rieff) – автор многих книг. После исторических мемуаров In Praise of Forgetting появилась его книга под названием The Reproach of Hunger: Food, Justice, and Money in the Twenty-First Century. Рифф живет и работает в Нью-Йорке.

Михаэль Брёнинг
Нью-Йорк

Михаэль Брёнинг (Michael Bröning) возглавляет офис Фонда им. Фридриха Эберта в Нью-Йорке и является членом комиссии СДПГ по вопросам фундаментальных ценностей.